

не говоря уж об анализе значения в области лексики. Идеи преобразования активных конструкций в пассивные казались просто почерпнутыми из школьной грамматики, анализ же деривационных связей — по крайней мере на уровне слова — всегда присутствовал в отечественной науке, хотя бы благодаря неослабевающему интересу к проблемам словообразования. Наконец, идеи связи слова с понятием, а предложения с суждением, точно так же, как и проблема соотношения языка и мышления, входили в число постоянно обсуждавшихся проблем в советском языкознании. Да и ментализм, и связи с психологией речи, и с развитием ребенка — все это было близко нам благодаря работам Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьева... Могли ли в этой ситуации взгляды генеративистов рассматриваться как подлинно революционные? Если учесть к тому же, что программа исследований этого направления — изучение речевой деятельности — давно составляла предмет исследований у нас в стране, а предлагаемые генеративистами решения проблемы казались неубедительными, можно понять, почему именно у нас (если исключить работы официально-недоброжелательного характера) критика генеративного направления носила объективный характер (достаточно сослаться на работы В. А. Звегинцева, Л. С. Бархударова, Б. Ю. Городецкого, В. З. Демьянкова и др.) и никогда не содержала резких выпадов.

Упоминание об этой стороне критики не случайно: как совершенно правильно указывает в своей монографии Ян Ньютс, в значительной мере посвященной анализу взглядов Н. Хомского и обоснованию функциональной теории языка, представители генеративного направления в своих выступлениях были не просто «недоброжелательны» — агрессивны и не желали слушать никаких возражений. Тон полемики был недопустимым, а это вызвало вполне определенную реакцию у окружающих [25, с. 91—92]. Таким образом, психологическим климатом можно объяснить очень многое в ситуации восприятия генеративной грамматики, а существованием у нас иной системы предпосылочного знания, иных традиций и пр. можно, вероятно, объяснить и разные ответы на вопрос о том, состоялась ли в мире лингвистики научная революция, связанная с именем Хомского.

Выше мы уже выдвинули предположение, что современное положение дел в теоретической лингвистике характеризуется несколькими важнейшими допущениями и принципами. Завершая статью, хочется подчеркнуть — все эти принципы, часто связываемые за рубежом либо с генеративной грамматикой, либо с другими течениями зарубежной лингвистической мысли, уже давно вызревали в отечественном языкознании. Лишь отсутствие специальных работ да и характерное нежелание многих зарубежных исследователей вникнуть в предысторию и познакомиться с трудами своих предшественников может объяснить тот факт, что отечественное языкознание не было оценено по достоинству и вклад его в мировую науку частично просто неизвестен. Между тем всякому, кто жил и работал в этой лингвистической среде, ясно — без всякого специального цитирования источников — насколько органичными, естественными и действительно необходимыми представляются те требования, которые предъявляются сегодня к лингвистическим исследованиям и насколько нам близки экспансионизм в науке, антропоцентризм, функционализм и экспланаторность.

Каждая из перечисленных черт требует своего отдельного описания, но так как в пределах журнальной статьи это явно невозможно, укажем лишь на их общие особенности. Понятие экспансионизма как определенной тенденции в развитии науки впервые обсуждалось на XIV Международном конгрессе в Берлине в 1987 г., где Т. Энkvист и Ф. Данеш отстаивали преимущества такого подхода в становлении такой новой лингвистической дисциплины, как лингвистика текста. Противопоставляя экспансионизм — как стремление как можно больше расширить область исследования — редукционизму, который грозит опасностью упустить при становлении новой дисциплины какие-либо непосредственно не наблюдаемые или же менее очевидные признаки объекта, эти ученые обосновывали целесообразность разумного расширения границ науки. Но сказанное ими может быть отнесено и к характеристике всего настоящего периода: «экспансионизм» имеет здесь весьма разнообразные проявления. Это и